

Коллинз Уильям Лукас

**Виргилий, в изложении Лукаса
Коллинза**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
У36

У36 **Уильям Лукас К.**
Виргилий, в изложении Лукаса Коллинза / Коллинз Уильям Лукас – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 242 с.

ISBN 978-5-519-89808-9

ISBN 978-5-519-89808-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Полагаютъ, что первую побудительною причиною къ этому суевѣрному толкованію послужила одна изъ его эклогъ (восьмая), въ которой поэтъ знакомитъ насъ съ чарами, могущими будто-бы вернуть сердце охлаждѣвшаго любовника. Рассказывали, что *Виргилій* выстроилъ въ Римѣ, для императора *Августа*, чудную башню, въ которой были помѣщены эмблематическія фигуры всѣхъ подвластныхъ Риму народовъ, каждая съ колокольчикомъ въ рукѣ,—и прибавляли, что колокольчики начинали звонить, какъ только въ соотвѣтствующей фигурѣ провинці вспыхивалъ мятежъ, такъ что въ Римѣ всегда знали совершенно точно, куда именно нужно посылать легіоны. Далѣе легенда сообщаетъ, что въ той же башнѣ *Виргилій* устроилъ волшебное зеркало, отражавшее образъ враговъ имперіи, какъ-только они появлялись въ вооруженіи, и еще другое,—несомнѣнно, самая хитрая штука, когда-либо выдуманная для полицейскихъ цѣлей,—въ которомъ видны были сразу всѣ проступки каждаго римскаго гражданина. Далѣе римская чернь говорила, что позднѣйшими дарами великаго волшебника были неугасаемый очагъ и соленые ключи съ цѣлебными свойствами. Чудеса, приписываемыя *Виргилію* въ Неаполѣ, были отнюдь не меньше уже перечисленныхъ нами, и даже теперь едва ли существуетъ по сосѣдству Неаполя какое-либо сколько-нибудь важное древнее общественное сооруженіе, которое бы въ народныхъ преданіяхъ не было связано тѣмъ

или другимъ образомъ съ именемъ Virgilіа. Сверхъестественное знаніе было, по разсказамъ однѣхъ легендъ, сообщено Virgilію ученымъ центавромъ Хирономъ, который былъ воспитателемъ какъ великаго Ахиллеса, такъ и героя Virgilіевой поэмы Энея, а по другимъ легендамъ, представляющимъ уже столь обыкновенную въ средніе вѣка смѣсь христіанскихъ понятій съ языческими преданіями, сила была приобрѣтена Virgilіемъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ нечистымъ ¹⁾).

¹⁾ Въ примѣръ такихъ средневѣковыхъ разсказовъ мы можемъ привести здѣсь слѣдующій: Однажды Virgilіа вдругъ поразилъ какой-то голосъ, обратившійся къ нему и выходившій изъ маленькаго отверстія въ одной пещерѣ. Голосъ этотъ принадлежалъ злему духу, который, бывъ загнанъ въ это тѣсное помѣщеніе, предложилъ Virgilію познакомить его съ разными источниками черноокнижія, если онъ согласится высвободить его. Предложеніе было принято, и нечистый освобожденъ. «Онъ всталъ передъ Virgilіемъ въ видѣ человѣка-исполина и тѣмъ сильно испугалъ Virgilіа, дивившагося, какъ могъ такой огромный человѣкъ выйти изъ такого маленькаго отверстія. Затѣмъ Virgilій спросилъ нечистаго, можетъ ли онъ опять пролѣзть сквозь отверстіе, изъ котораго только что вышелъ». «Да, могу», отвѣчалъ тотъ. «Я держу закладъ на что угодно, что ты не сможешь этого сдѣлать». Нечистый, ради похвалы, вновь пролѣзъ въ узкое отверстіе. Когда же онъ скрылся въ немъ, то Virgilій быстро закрылъ отверстіе, такъ что духъ уже не могъ вылѣзть вторично и остается тамъ и до сихъ поръ.

ВИРГИЛІЙ.

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА.

Публій Виргилій Маронъ (P. Virgilius, или Vergilius Maro) — таково его полное имя — жилъ въ ту эпоху, когда великая Римская Имперія приближалась къ высшей степени своего могущества, съ котораго началось ея паденіе, хотя въ то время было замѣтно еще очень мало признаковъ послѣдующаго разложенія. Императоромъ былъ тогда тотъ самый Цезарь Октавіанъ, племянникъ великаго Юлія, титулъ котораго «Августъ» далъ свое названіе всему вѣку, да и впослѣдствіи сталъ почти нарицательнымъ терминомъ для обозначенія золотого вѣка литературы у всѣхъ націй. Въ вѣкъ Августа въ Римѣ появились и процвѣтали, въ быстрой смѣнѣ другъ за другомъ, значительное число тѣхъ писателей, произведенія которыхъ получили названіе классическихъ. Эта блестящая пора развитія литературы была порождена многими причинами, — распространеніемъ воспитанія и утонченности нравовъ, досугомъ и спокойствіемъ, смѣнившими цѣлый періодъ непрестанныхъ внѣшнихъ войнъ и внутрен-

нихъ столкновений —, отчасти же зависѣла и отъ личнаго характера самого цезаря.

Какъ самъ Августъ, такъ и ближайшій другъ его Меценатъ были самыми горячими покровителями всего, что касалось литературы и изящныхъ искусствъ. Меценатъ принадлежалъ по рожденію къ числу самыхъ высокихъ патриціанскихъ семействъ Рима. Онъ велъ свой родъ отъ древнихъ этрусскихъ царей, или Лукумоновъ, — старыхъ территориальныхъ владыкъ, которые правили Италіею въ то время, когда Римъ находился еще въ періодѣ совершеннаго дѣтства —, какъ напр. Ларсъ Порсенна въ Клузіумѣ. Умный и образованный, превосходный государственный человѣкъ, вопреки своей природной лѣни, Меценатъ имѣлъ огромное вліяніе на Августа. Въ его роскошной виллѣ на Эсквилинскомъ холмѣ собиралось все, что только было блестящаго въ Римѣ, и имя его скоро стало синонимомъ всякаго щедраго покровителя наукъ, искусствъ и литературы. Быть сколько-нибудь выдающимся въ одной изъ этихъ областей, — значило обратить на себя вниманіе великаго царедворца, а всякое покровительство съ его стороны служило лучшей рекомендаціей, чтобы быть представленнымъ самому цезарю. Такое счастье выпало на долю Virgilіа еще въ очень раннемъ возрастѣ.

Самъ Virgilій родился въ небольшой деревушкѣ Андахъ (по всей вѣроятности, нынѣшняя Pietola), близъ Мантуи, и получилъ порядочное образованіе, какъ это

можно заключить изъ многихъ намековъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ его стихотвореній. Достигнувъ возмужалости, онъ, повидимому, жилъ еще нѣкоторое время вмѣстѣ со своимъ отцомъ въ ихъ скромномъ родовомъ помѣстьи. Затѣмъ, подобно многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ подобно своему другу, поэту Горацию,—онъ пострадалъ очень сильно отъ постоянныхъ междоусобныхъ войнъ, опустошавшихъ въ то время Италію, войнъ, окончившихся паденіемъ Республики послѣ сраженія при Филиппахъ. Области, окружавшія Мантую, были взяты и раздѣлены между легіонаріями, сражавшимися за Антонія и юнаго Октавіана, противъ Помпея. Кремона взяла сторону послѣдняго, а Мантуя, какъ повѣствуетъ намъ самъ Виргилій, пострадала единственно за грѣхи сосѣда. Небольшое имѣніе поэта было конфисковано, вмѣстѣ со всѣми остальными, и должно было пойти въ награду тѣмъ, которые имѣли притязанія на благодарность Октавіана. Однако, благодаря заступничеству какого-то вліятельнаго друга, имѣвшаго доступъ къ цезарю,—по всей вѣроятности, Азинія Полліона, о которомъ мы еще поговоримъ ниже, бывшаго въ то время правителемъ Цизальпинской Галліи,—имѣніе это было вскорѣ возвращено его законному владѣльцу. Виргилій никогда не забывалъ этого обстоятельства, и изъ лести, которую множество людей всѣхъ сословій расточало передъ Августомъ (какъ мы станемъ называть отнынѣ Октавіана), та, нѣсколько напыщенная часть

ея, которая принадлежала нашему поэту, была, конечно, самою искреннею. Первая изъ Буколикъ Виргилія написана съ исключительною цѣлью благодарности за оказанную ему милость.

Если тогдашній цезарь и былъ до извѣстной степени доступенъ лести, то все-таки онъ требовалъ, чтобы эта лесть была лучшею въ своемъ родѣ. «Погладь его неловко», говоритъ Гораций, «такъ онъ брыкнетъ какъ конь ретивый». Конечно, стихи мантуанскаго поэта заключали въ себѣ такую же долю истинной поэзіи, какъ и лесть.

Эти Буколики (о которыхъ мы поговоримъ подробнѣе впослѣдствіи) представляются самыми ранними произведеніями поэта; составлены онѣ были, по всей вѣроятности, когда ему было отъ двадцати семи до тридцати четырехъ лѣтъ и онъ велъ спокойную жизнь въ своемъ вновь приобретенномъ имѣніи. Произведенія эти, очевидно, обратили на себя вниманіе Мецената, такъ какъ вскорѣ, среди блестящей толпы придворныхъ, государственныхъ людей, художниковъ, поэтовъ и историковъ, которые наполняли пріемные покои знаменитаго временщика, можно было замѣтить высокую, сутуловатую, нѣсколько мужиковатую фигуру молодого деревенскаго поэта ¹⁾. Онъ вскорѣ сдѣлался здѣсь совершенно до-

¹⁾ Многіе думаютъ, что упоминаемый Горациемъ (Sat. I. 3, 31) другъ, подъ неловкою одеждою и неуклюжимъ видомъ котораго скрывается такъ много талантовъ и достоинствъ, — есть именно Виргилій.

машнимъ человѣкомъ, и хотя, какъ говорятъ, самъ Августъ и отзывался иногда о литературныхъ обѣдахъ своего друга, какъ о «сборищѣ паразитовъ», но едвали можно сомнѣваться, что это названіе никакъ не могло прилагаться къ Виргилію. Его близость къ Меценату повела за собою частыя и продолжительныя поѣздки въ Римъ, хотя главнымъ его мѣстопробываніемъ, послѣ того, какъ онъ оставилъ Мантую, былъ Неаполь. Къ изданію своей поэмы о римскомъ земледѣліи и скотоводствѣ—четыре книги Георгикъ—онъ приступилъ единственно по совѣту Мецената. Его величайшее и наиболѣе извѣстное твореніе, Энеида, было начато по предложенію или намеку, исходившему отъ еще болѣе авторитетнаго лица, хотя, какъ кажется, онъ и самъ уже былъ занятъ этимъ сюжетомъ и, можетъ быть, даже и начиналъ приводить его въ исполненіе. Августъ былъ такъ снисходителенъ, что обратился лично къ поэту, посовѣтовавъ ему заняться предметомъ болѣе возвышеннымъ, чѣмъ воспѣваніе идеальной пастушеской жизни или деревенскихъ занятій. Результатомъ этого совѣта явилась Энеида, построенная по образцу обѣихъ великихъ греческихъ поэмъ Гомера;—собственно говоря, это есть римская Иліада и Одиссея, соединенныя въ одно цѣлое. На самомъ дѣлѣ Энеида никогда не была доведена до конца, потому что Виргилій, здоровье котораго всегда было плохо, умеръ, не отдѣлавши поэму въ такой степени, какъ того требовалъ его утонченный

литературный вкусъ. Рассказываютъ даже, что, при своей послѣдней болѣзни, онъ вѣроятно сжегъ бы всю рукопись, еслибы его друзья не воспротивились этому. Едвали можно считать причиною такого недовольства, какъ это предполагаетъ одинъ германскій ученый, то обстоятельство, будто жестокости, которыми ознаменовались послѣдніе годы царствованія Августа, заставили поэта раскаяться, что онъ способствовалъ безсмертію тирана. Онъ умеръ на пятьдесятъ-первомъ году жизни, въ Бриндизи, гдѣ высадили на берегъ въ свитѣ цезаря, съ которымъ онъ встрѣтился при поѣздкѣ въ Аѳины и который привезъ его съ собою обратно въ Италію. Его похоронили, по римскому обычаю, около большой дороги, ведущей изъ Неаполя въ Путеолы (Пучцоло), гдѣ могила его, близъ Посилиппа, составляетъ еще и до сихъ поръ предметъ странствованія многочисленныхъ путешественниковъ, посѣщающихъ тѣ мѣста ¹⁾). Онъ умеръ сравнительно въ богатствѣ, имѣя даже свой домъ въ Римѣ, неподалеку отъ виллы Мецената, съ очень хорошей библіотекой. Живя въ Римѣ, въ средѣ самаго высшаго общества того времени, онъ никогда не забывалъ своихъ старыхъ друзей, и пріятно указать напр. хоть на ту милую черту, что онъ постоянно посылалъ деньги своимъ престарѣлымъ родителямъ. Го-

¹⁾ Т. н. grotta di Virgilio, которую выдаютъ за могилу Вергилія, на самомъ дѣлѣ никогда не была ею. *Ред.*

ворять, что уваженіе современниковъ къ его особѣ до-
ходило до того, что однажды, при входѣ Виргилія въ
театръ, вся публика вдругъ встала и привѣтствовала
его тѣми же почестями, которыя отдавались только одному
Августу. Виргилій сохранилъ до самаго конца простыя
манеры и свой нѣсколько мужиковатый видъ, и едвали
можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что нравственность
его оставалась совершенно незапятнанною среди без-
образной порочности того времени. То обстоятельство,
что Калигула велѣлъ изгнать его изображенія изъ
всѣхъ публичныхъ библіотекъ, можетъ служить только
къ чести нашего поэта. Изъ всѣхъ языческихъ авто-
ровъ, блаж. Августинъ въ своей «Исповѣди» цити-
руетъ одного только Виргилія.
